

***Е.Ю. Протасова. Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб.: Златоуст, 2004. 308 с.***

“Цель этой книги – попытаться понять, насколько язык влияет на жизнь человека, насколько жизнь человека влияет на его язык, насколько человек способен повлиять на свою жизнь и на свой язык”, – пишет автор в предисловии и на протяжении десяти глав последова-

тельно идет к поставленной цели и, с моей точкой зрения, успешно ее достигает.

В первой главе “Социолингвистические, психологические и антропологические подходы к исследованию двуязычия и идентичности” автор рассматривает обширную литературу, посвященную плюрицентричным языкам, языковым правам человека в многоязычных государствах, этапам межкультурной адаптации. Специальный параграф посвящен дискурсу и идентичности. Приводятся отличительные черты коммуникации в иммигрантской среде, говорится о формульности языка иммигрантов, т. е. употреблении готовых речевых оборотов и конструкций. Подводя итоги данной главы, автор заключает, что “эмигрантология вынуждена считаться с взаимным переплетением в языковых судьбах информантов явлений лингвистического, психологического и социального порядка”.

Вторая глава посвящена методам исследования в эмигрантологии. Подчеркивается, что методы исследования в эмигрантологии носят междисциплинарный и трансдисциплинарный характер, сочетая различные принципы и подходы анализа.

Один из методов – интервьюирование. Здесь упоминаются часто возникающие вопросы о характере взаимоотношений интервьюера и интервьюируемого, уместности задаваемого вопроса, влияния вопроса на ответ, достоверности получаемых данных, подсказках, лжи и т. д. Приводятся как отрицательные стороны метода интервью: интервьюер во многих случаях предопределяет тип получаемых ответов и может манипулировать ими в своих целях, так и положительные: именно в ходе интервью, формулирования мыслей, вербализации соображений, оставшихся до этого смутными и неопределенными, и выстраивается та интеракция, в ходе которой человек уточняет, а иногда и заново определяет свою идентичность.

В исследовании языка мигрантов существенным может оказаться изучение контактов группы между собой и возникающих вследствие этого стереотипов.

Методом исследования речевого континуума часто является анализ дискурса, т. е. исследование механизма согласования отрезков коммуникации по смыслу, намерению и единству.

Если в первых двух главах автором рассматривались общие вопросы эмигрантологии, адаптации индивида в инокультурном социуме, отношения к иммигрантам в различных сообществах, то в главе “Русский язык зарубежья” тема сужается. Дается обзор новейшей литературы и Интернет-сайтов о существовании русского языка в новых геополитических условиях, о русской эмиграции в различных странах,

ее культурных аспектах, литературе, языку, образовании, о старой и новой русскоязычной эмиграции. Упоминаются исследования по языку староверов за пределами России, освещается литература об изменении русского языка в ближнем зарубежье.

С главы “Финляндские русскоязычные (феннороссы)” автор вплотную приступает к предмету своего исследования и начинает с истории финляндских русскоязычных. Первая волна иммигрантов – крестьяне, переселенные из России на Карельский перешеек в начале XVIII в. на бывшие шведские земли, образовавшие Выборгскую губернию. В 1724 г. в Гельсингфорсе было 13 русских, но в окрестностях Выборга стояли русские войска. Вторая волна – русские служащие, военные, православные священники и купцы, получившие разрешение на жительство в Финляндии; в 1880 г. – 4200 чел., в 1900 – 6000 и в 1910 г. – 7200. Третья волна иммиграции началась в связи с революцией и была самой многочисленной, в 1922 г., достигнув максимума, составляла 335000, это были русские эмигранты, ингерманландцы и беженцы из Восточной Карелии.

Среди новых иммигрантов самую большую группу составляют ингерманландские финны и прочие финны с основным языком русским, вторая по численности группа – этнические русские, приехавшие из России или Эстонии, и самая малочисленная – бывшие граждане Советского Союза, не являющиеся ни русскими, ни эстонцами, для которых основной язык – русский.

Е.Ю. Протасова не ограничивается изложением сухих исторических фактов, но обращается и к русским литературным источникам XIX–XX вв., живописующим красоты Финляндии и любовь их авторов к этой стране.

В короткой главе “Исследование языка и культуры русских в Финляндии” делается обзор литературы по следующим проблемам: расхождение между речью красноселов и разговорной речью в России; языковой, социальный, психологический статус русскоязычных переселенцев; особенности лексических заимствований, произношения, топонимических названий; наблюдение над речью “старых” и “новых” русских в Финляндии (заметьте, что, как это видно, значение термина “новые русские” в диаспоре отличается от данного термина применительно к метрополии); поведение русскоязычных учеников в финских школах. Отмечается, что положение русского языка в Финляндии уникально: здесь представлены все типы двуязычия в разных поколениях.

Прежде чем обратиться к основной проблеме главы “Языковая политика Финляндии и русский язык”, автор останавливается на ос-

новых языках Финляндии и законах о них. В отношении языков в стране действуют три принципа:

1. Индивидуальный: каждый может и должен сам определять свою языковую идентичность вне зависимости от происхождения и знания языка; на основании выбора языка своими гражданами коммуны устанавливают, являются ли они финно-, шведо- или двуязычными.
2. Территориальный: только по-шведски говорят на Аландских островах, имеющих автономию; кроме того, существует еще пять одноязычных шведских коммун.
3. Принцип коллективных прав: саамы, которые считают саамский родным языком, имеют право говорить на нем в северных коммунах с чиновниками; есть также саамские школы, радиопередачи и т.д.

В Финляндской Конституции, вступившей в силу в 2000 году, понятие “национальное меньшинство” не используется. К слову сказать, до этого момента данный термин активно употреблялся, например, № 4 за 1999 год издаваемого Министрством иностранных дел Финляндии журнала “Finfo” целиком посвящен именно национальным меньшинствам Финляндии. Кстати, на с. 11 в нем говорится, что, по закону о среднем образовании, вступившем в силу в начале 1999 года, саамские дети, проживающие в “Саамском Доме” имеют право получать основную часть образования с 1 по 9 класс на саамском языке. Однако, как пишет Е.Ю. Протасова, саамы считают, что закон опоздал на три поколения, т. к. носителей языка осталось слишком мало.

В параграфе “Коренные и некоренные жители” приводятся интересные данные о структуре населения Финляндии по языковому и религиозному признаку с 1900 по 2003 гг., о гражданстве иностранцев в Финляндии с 1990 по 2003 гг. и отдельно об ингерманландцах, приехавших в Финляндию с 1998 по 2003 гг.

Приводятся результаты социологического опроса об отношении финнов к иммигрантам. Оказывается, хуже всего финны относятся к сомалийцам и арабам, отличающимся от них своим видом, и к русским, которые представляют собой исторического врага: 12% финнов считают себя явными расистами, 41% – в невысокой степени и лишь 18% не видят в себе таких качеств. Все иностранцы знакомы с проявлением расизма и дискриминации на работе и в повседневной жизни. Исследования показывают, что аккультурация и интеграция возможны только в том случае, если общество готово принять переселенцев. Специально изучаются особенности русскоязычной иммиграции, под-

черкивается, что уровень образования прибывающих из России высок, но безработица также находится на высоком уровне.

Управление образования Финляндии способствует тому, чтобы дети-иммигранты имели возможность изучать родной язык, литературу и культуру. Однако, насколько мне известно, финские исследователи пишут о некотором прогрессе в преподавании миноритарных языков в школах Финляндии, но тем не менее констатируют, что состояние их преподавания (в том числе и преподавания русского языка) далеко от совершенства (см., например, S. Latomaa. *Minority languages in Finnish schools* // International conference on minority languages. Sweden, Kiruna, June 6–7, 2003).

Интересен, с моей точки зрения, раздел “Русский язык в финляндской системе образования”, начинающийся с того, как, по указу Александра I в 1812 г. впервые в Финляндии стали преподавать русский язык, и заканчивающийся современностью; рассматриваются все уровни – от кружков до университетов.

Следующая глава – “Русскоязычные СМИ в Финляндии: особенности языка и самоопределения” – самая большая, и это не удивительно, так как в поле зрения автора попадают, видимо, все существующие периодические издания. Дается характеристика печатных изданий, описывается специфика тематики изданий: пристальное внимание к процессам употребления и преподавания языка, выявление и оценка межкультурных различий, выяснение признаков языковой и культурной интеграции в жизнь принимающей стороны, рефлексия над употреблением этнонимов и иных признаков самоидентификации, обсуждение понятий “мы” и “они”, “дом”, “родина” и т. д. Замечается, что влияние финского на русский язык СМИ на удивление ограничено. Исследуется употребление в СМИ “этнических” определений: “финский”, “финляндский”, “русский”, “российский”, “русскоязычный”, “русскоговорящий” и т.д. Приводится подборка высказываний финнов о русских и русских о финнах; и те, и другие, как оказывается, находятся в плену у стереотипов.

Не ускользнуло от внимания автора и общение в интернет-форумах, посвященных теме общения между русскими и финнами, а также язык радио и язык телевидения.

В следующей главе, сравнивая особенности устной речи в разных поколениях, Е.Ю. Протасова утверждает, что нельзя сказать, что “старые русские” говорили на более ярком, разнообразном, лексически богатом русском языке, чем “новые русские”, даже если последние – ингерманландцы, прожившие свою жизнь в деревне и не получившие образования. “Старые

русские", прекрасно говорящие по-русски, тем не менее часто не ощущают различия в семантически близких словах "трехгодовалый / трехлетний / трехгодичный", "давний / древний / старый / ветхий"; путают паронимы "окружность / окружение / окружающее". У иммигрантов всех поколений наблюдается калькирование глагольного управления, у некоторых появляются более протяженные гласные и более твердые, усиленные согласные. Автор заключает, что на том, как именно адаптирует человек свою речь к условиям жизни в Финляндии, сказывается в наибольшей степени его собственный языковой опыт (не только финляндский, но и опыт изучения иных языков, посещения стран и национально-территориальных образований, контактов с представителями иных этносов, языков и культур; расширение собственного словарного запаса, взгляд на жизнь и употребление языка), и так отвечает на один из вопросов, как мы помним, поставленных в предисловии: "человек лишь отчасти может сам определить свои установки по отношению к применению языков, но не всегда, как бы этого ни хотел, в состоянии контролировать и регулировать свою речь".

Каковы же особенности письменной русской речи у живущих в Финляндии? Влияние двуязычия на особенности письменной речи русскоязычного человека, живущего за рубежом, происходит на разных уровнях – оформление отдельного слова и текста, ошибок в произношении, отражающихся в правописании, и в реинтерпретации слова под влиянием иноязычной речи. Часть ошибок смыкается с детскими, часть – с просторечными, а некоторые отражают недостаточный опыт чтения и письма именно на русском языке. Отдельные особенности связаны с влиянием другого языка, другой культуры и другого мышления. Порог смущения или переживания собственных ошибок у живущих за границей ниже, чем в России, считает автор (однако заметим вскользь, что, судя по "грамотности" общения в российских интернет-форумах, порог этот у живущих в России русскоязычных также достаточно низок).

Несколько особняком стоит последняя глава "Языковые биографии финнороссов", безусловно, представляющая отдельный интерес. Приводятся записи устных интервью, проводимых автором, и письменного анкетирования среди русскоязычных жителей Финляндии разных поколений. Делалось это для выяснения специфики связей индивидуального варианта языка и биографии человека. В анкетах и интервью задавались вопросы об усваиваемых языках, их количестве и соотношении; о языке (языках) родителей, бабушек и дедушек; о на-

циональности; переездах; об использовании в настоящий момент языка (языков) в разных функциях, соотношении этих языков; о родном / важном / главном / основном языке (языках); о качестве русского языка респондента по его собственной оценке; о нужности / ненужности, по мнению респондента, сохранения русского языка в диаспоре.

Языковые биографии у всех разные, кому-то в силу обстоятельств было проще сохранить язык, кому-то труднее, кто-то овладел большим количеством языков, кто-то – меньшим и т.д. Бросается в глаза, что почти каждый из респондентов говорил об испытанном им бытовым негативным отношении финнов к себе.

Помимо проблем, которые ставит и решает автор, опубликованные языковые биографии финнороссов неожиданно высвечивают и другие, выходящие за рамки тематики данной книги. Например, Т.А. Ниеминен, удивительно талантливый человек с непростой судьбой, родившийся в 1927 году в Карелии, рассуждает: «С 5-го класса начали изучать немецкий язык. Так что я его изучал только 2 года и по 2 урока в неделю. Так что это только в пределах "Anna und Marta baden" [...] За 4 года учебы [в техникуме], а английский был только на 2 курсах, да и очень мало часов, так что изучить язык при таком отношении к нему не было никакой возможности. Мне сейчас кажется, что это тоже была государственная политика, чтобы основное население не могло изучить языки. Это было возможно только для избранных. В школе немецкий, в техникуме – английский, а в итоге – никакой».

Невозможно удержаться от сравнения с другой языковой биографией – Ольги 12 лет: "Я финский знаю, потому что всегда жила в Финляндии. Шведский начала учить в детском саду, и там все общаются и учатся на шведском языке... С самого начала я научилась писать по-шведски и по-русски. По-фински я не училась специально читать и писать, но умею хорошо без всяких уроков. Родители мои – русские. Они говорят на русском языке... Мой родной язык – русский. Мой важный, главный язык – шведский и русский. В школе говорю по-шведски. В городе говорю по-фински и с моими финскими друзьями. Дома говорю по-русски, а английский и французский в школе изучаю. В семье общение на русском... Читаю на шведском. Смотрю телевизор на всех известных мне языках. Общаюсь с друзьями на трех языках. Это зависит от того, что у меня русские, финские и шведские друзья".

"Финнороссы: жизнь и употребление языка" охватывает все аспекты культурной и языковой интеграции русскоязычных иммигрантов в Финляндии. Книга эта не только решает

чисто теоретические, интересные специалистам проблемы взаимовлияния языка и жизни человека, но также (хотя, по всей видимости, автор не ставил такой задачи) в некоторых своих частях может служить пособием для потенциальных эмигрантов. Для тех, кто еще только задумывается об эмиграции как одном из вероятных вариантов своей судьбы, это —

возможность “примерить на себя” все описанные трудности, связанные с интеграцией в иную культурную среду. Те же, кто уже на все решился, по многим вопросам найдут на страницах данной книги подробную инструкцию.

*Т.Б. Агранат*